

Всемирная история

Валентина БАГЛАЙ

ИМПЕРИЯ АЦТЕКОВ

Всемирная история (Вече)

Валентина Баглай

**Империя ацтеков. Таинственные
ритуалы древних мексиканцев**

«ВЕЧЕ»

2020

Баглай В. Е.

Империя ацтеков. Таинственные ритуалы древних мексиканцев /
В. Е. Баглай — «ВЕЧЕ», 2020 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8203-8

Автор предлагаемой книги анализирует религиозно-мифологические представления ацтеков. Этот анализ позволяет понять, почему культура древних ацтеков названа одним из современных исследователей «мечтой и кошмаром». Ведь, с одной стороны, ацтеки строили грандиозные и величественные храмы, опирались в хронологических и астрологических расчетах на поразивший европейцев своей точностью календарь, но с другой – использовали отвратительную практику кровавых человеческих жертвоприношений. Книга издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-4484-8203-8

© Баглай В. Е., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Введение	6
Глава 1	10
Основные черты религиозно-мифологической системы	10
Структура пантеона: боги и божества в системе религиозно-мифологических представлений	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валентина Баглай
Империя ацтеков. Таинственные
ритуалы древних мексиканцев

© Баглай В.Е., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Введение

Когда пятьсот лет назад взорам европейцев открылся огромный, ранее неведомый мир – Американский континент, то они обнаружили там наряду с обществами, находившимися на стадии родовых отношений, и раннегосударственные образования. Наиболее знаменитыми из последних были к тому времени государство инков в Южной и ацтеков в Центральной Америке.

Центральноамериканская индейская цивилизация ацтеков по праву занимает свое законное место в ряду выдающихся культур, созданных человечеством на протяжении всей его истории. Но с момента своего открытия она поразила Старый Свет сочетанием двух, как бы совершенно противоположных друг другу черт. С одной стороны, древние ацтеки строили грандиозные и величественные храмы и пирамиды, опирались в хронологических и астрологических расчетах на поразивший европейцев своей точностью календарь, но с другой – использовали как будто совершенно чуждую только что названному, отвратительную практику кровавых человеческих жертвоприношений, достигшую у них, по сведениям тех же европейцев, необычайных (по числу жертв) масштабов. В результате такой оценки древнеацтекской цивилизации возникает ее образ, в котором, как писал один из современных исследователей, воплотились одновременно «мечта и кошмар». Это была культура, в которой черты откровенного варварства и жестокости соседствовали с образцами действительно талантливых творений.

Совершенно естественно, что для верной и объективной оценки этого общества, столь поразившего Старый Свет, надо понять духовную среду, мировоззрение, в которых зародились и дали свои плоды столь неординарные, захватывающие, а порой даже шокирующие проявления его древней культуры. Именно поэтому религиозно-мифологические представления как важнейшая составная часть всякой древней идеологии, представляют особый интерес.

Ацтеки (или мешики, откуда происходит и название «мексиканцы») начали создавать свое государство приблизительно за двести лет до прихода испанцев. Ацтеки появились в Мексиканской долине как одно из северных бродячих племен (точное их происхождение неизвестно до сих пор) около XIII в., после того как ушли в прошлое древние высокие культуры, существовавшие здесь ранее – культуры Теотиуакана (1) и тольтеков (2).

Ко времени появления ацтеков в Мексиканской долине существовало несколько десятков небольших городов-государств, созданных на руинах тольтекской цивилизации индейскими народами, возникшими здесь лишь немногим ранее ацтеков, и родственных им этнических групп. Между этими городами-государствами шло почти непрерывное ожесточенное соперничество.

Считается, что около 1325 г. ацтеки основали на одном из небольших островов озера Тескоко город Теночтитлан (Мехико), ставший их столицей. С этого времени ацтеки прекратили периодическое переселение и навсегда обосновались в Мексиканской долине. Считается, что с момента основания Теночтитлана и до 1376 г. во главе ацтеков находились вожди ацтекского этнического происхождения (по достаточно обоснованным предположениям, их сменилось за это время двое). С 1376 г., если следовать официальной древнеацтекской исторической традиции, у них появился правитель, связанный узами родства с представителями одного из древних городов Мексиканской долины, г. Колуакана, что было важно для внешнего признания ацтеков. В целом с момента основания столицы и до прихода испанцев в 1519 г. у ацтеков сменилось около одиннадцати вождей и правителей (3).

Первоначально ацтеки попали в зависимость от более сильных городов-государств, однако при шестом ацтекском правителе, Итцкоатле, они приобретают самостоятельность и около 1434 г. встают во главе так называемого Тройственного союза, который включал территории, контролируемые городами-государствами Теночтитлан, Тескоко и Тлакопан. Хотя члены

альянса имели определенную долю самостоятельности во внутренних вопросах, ведущая роль в нем бесспорно принадлежала ацтекам Теночтитлана, которые в значительной степени контролировали и направляли его экономическую, политическую и военную деятельность.

К 1519 г., времени появления испанских конкистадоров, реальная власть полностью принадлежала Теночтитлану, который вместе с союзниками контролировал до одной трети территории современной Мексики, простиравшейся на севере и западе до реки Лермы и границ нынешнего штата Мичоакан (здесь проходила граница с тарасками, народом, раннегосударственное образование которого было основным противником ацтеков на западе), на востоке – до Мексиканского залива, на юге – до Тихоокеанского побережья современного штата Оахаки и перешейка Техуантепек у границ с майя (которые не входили в сферу ацтекского влияния).

Конечно, не следует думать, что это было сильное централизованное государство. Этой стадии ацтекское государство не успело достичь в силу объективно-исторических обстоятельств (среди которых и внезапный приход испанцев). В разных районах подконтрольной Теночтитлану территории власть его реализовывалась с разной степенью полноты, главным образом так, что чем дальше от Мексиканской долины, центра государства, тем она была слабее. Главным образом, но не абсолютно, ибо совсем недалеко от Теночтитлана вплоть до испанского завоевания сохранили свою независимость и были как бы автономными вкраплениями такие города-государства, как Тлашкала, Уэшотцинко, Чолула (населенные, кстати, народами, родственными ацтекам и по языку, и по культуре), непрерывно враждовавшие с ним.

Во главе этого раннего государства стоял правитель, напоминающий в некоторых чертах восточного деспота и носивший титул тлатоани (от слова в языке ацтеков, означавшего «говорить», «приказывать»). Последним ацтекским тлатоани, начавшим правление еще до прихода испанцев, вступившим в контакт с ними и погибшим в ходе Конкисты, испанского завоевания, был Мотекусوما II Младший.

В этом государстве вне всяких связей со Старым Светом сложилась своя, но вместе с тем достаточно традиционная для раннеклассового общества социальная структура (знать, общинники, полузависимые группы населения и отдельные категории бесправных рабов), система общественного и государственного управления.

Основу древнеацтекской экономики составляло земледелие (использование в том числе и ирригации на базе возделывания таких культур, как кукуруза или маис, перец, томаты, фасоль, хлопок, агав – многолетнее растение, у которого особенно ценился сок для изготовления напитков и волокнистая структура для производства грубых тканей и циновок). Основное земледельческое орудие – палка-копалка, использование каменных, медных и бронзовых мотыг было ограниченным. Практиковали также охоту, рыболовство, выращивание птицы (главным образом индеек и уток), животных (реже кроликов, чаще особой породы гладкошерстных собак, мясо которых шло в пищу). Вьючных и тягловых животных не имели по той причине, что в природе не было видов, подходящих для domestikации. На достаточно высоком уровне были торговля и ремесло (хотя колеса и гончарного круга не знали, а металлы использовались в ограниченном количестве).

Что же обеспечивало ацтекам возможность вырваться вперед по сравнению с другими своими современниками и соседями? Конечно, они сумели направить на пользу дела военную силу, хитрую, а иногда и просто коварную древнюю дипломатию, мирную торговлю. Но все же решающим фактором, обеспечившим успех, точнее, даже удивительный взлет первоначально ничем особенно не примечательного народа, было активнейшее использование ацтеками исторического, идеологического и культурного наследия и опыта других народов, живших как до них, так и современных им. В прямом или опосредованном виде и форме на ацтеков оказали влияние уже названные культуры Теотиуакана и тольтеков, существовавшие и развивавшиеся преимущественно в пределах Мексиканской долины и сопредельных территорий. Но на Теотиуакане и тольтеках, в свою очередь, отразились достижения древних цивилизаций Мексики,

развивавшихся и вне Мексиканской долины, прежде всего культура ольмеков (4) и культура Монте-Альбана, в создании которой в разной мере принимали участие индейские мексиканские народы сапотеков и миштеков (5). Территории, занимаемые названными культурами и народами, в конце концов полностью или частично оказались в сфере границ ацтекского государства, поэтому, характеризуя религиозно-мифологические представления и культовую практику древних ацтеков, нельзя не затронуть в порядке сравнений и параллелей соответствующие идеи и обряды этих народов и культур. Вполне закономерно, что в настоящей работе приводятся иллюстрации, имеющие отношение и к этим культурам.

Среди народов, составлявших население древнеацтекского государства, были и менее известные, такие, например, как тотонаки, хуастеки или отоми (6). Всего же население древнеацтекского государства, по некоторым подсчетам достигавшее одиннадцать миллионов человек, разговаривало на 125 индейских языках и наречиях (в настоящее время в Мексике используется только 46 из них). Религиозно-мифологические представления этих народов были составной частью общей этнорелигиозной картины древнеацтекского государства.

Конечно, культура с центром в Теночтитлане – это не вся Мексика и тем более не вся древняя Мексика, однако это ее значительная часть, поэтому с учетом всего сказанного, а также потому что даже название «Мексика» возникло благодаря ацтекам, нами будет использоваться понятие «древняя Мексика» применительно к территории, которая так или иначе считалась частью их государства, а «древние мексиканцы» – к его жителям в целом.

За двести лет своего развития древнеацтекское государство выработало для потребностей своей идеологии довольно устойчивую систему религиозно-мифологических представлений. О них нам известно благодаря раннеколониальным документам, хроникам, историческим сочинениям, написанным как европейскими, так и индейскими авторами, которые они писали по еще свежим следам древней культуры (Э. Кортес, Б. Диас, Б. Саагун, Т. Мотолиния, Д. Дуран, А. Сорита, Х. Акоста, Х. Мендиета, Ф.Л. Гомара, А. Эррера, Х. Торкемада, Ф.А. Иштльишочитль и др.) (7).

Эти авторы использовали не только очень сильную здесь устную традицию, но и особый вид памятников культуры – так называемые кодексы. Дело в том, что из-за отсутствия у древних мексиканцев развитой системы письма они использовали пиктографику (рисунки), а иероглифику применяли только при передаче имен собственных и топонимики. Тем не менее самые разные сведения (от хозяйственных и исторических данных до сложных религиозных) писцы-художники (ими были жрецы) фиксировали на листах, иногда длинных лентах оригинальной индейской бумаги, ткани, кожи. Особым образом сложенные (чаще в форме ширмы), эти памятники, известные в американистике как кодексы, были довольно обычным явлением в доиспанский период, из них составляли даже целые библиотеки. В древности такие кодексы мудрецы фактически не читали, а толковали, глядя на рисунки и знаки. Обучение искусству составления кодексов, их толкованию входило в качестве обязательного предмета при обучении жрецов и представителей знати (простым людям это было запрещено).

Почти все доиспанские кодексы погибли в годы испанского завоевания, борьбы с язычеством и христианизации Мексики, и сохранились лишь единицы таких памятников. Однако в раннеколониальный период по указанию миссионеров и властей, изучавших местные традиции и обычаи с целью наиболее эффективной христианизации новых подданных, индейскими писцами и художниками были составлены новые кодексы, причем почти всегда в полном соответствии с древними доиспанскими традициями (часть из них ныне известна как копии позднее погибших кодексов). Индейская пиктографика в этом случае уже сопровождалась интерпретацией (объяснением) на европейских языках (чаще испанском) или индейских (с использованием латиницы) содержания рисунков. Все иллюстрации, приводимые в настоящей работе, взяты именно из таких памятников древней культуры.

В некоторых случаях пиктографика кодексов не сохранилась (в силу исторических обстоятельств), но до наших дней дошла интерпретация к ним. Тем не менее и такие чисто письменные интерпретации, в большинстве своем составленные сразу после испанского завоевания, являются бесценными памятниками, также свидетельствующими о древних культурах. В момент своего составления (или более позднего обнаружения, например, в архивах) они получили названия, под которыми известны до сих пор. В ряду таких памятников, представляющих особый интерес в связи с изучением религиозно-мифологических представлений древних ацтеков, следует назвать «Легенду о Солнцах», «Историю мексиканцев по их рисункам», «Анналы Куаутитлана» и некоторые другие (8).

Кроме исторических хроник, работ европейских и индейских авторов раннеколониального периода, кодексов, источником для анализа религиозно-мифологических представлений и культовой практики ацтеков и народов, живших вместе с ними в одном древнем государстве, являются памятники искусства, большая часть которых служила средством отражения господствующей религиозной идеологии.

Предваряя знакомство с религиозно-мифологическими представлениями мексиканцев, следует также сказать, что эти представления исполняли роль первых обобщений Древнего мира относительно происхождения мира, человека, его судьбы и предназначения. В них заключено то, что называется миром раннего человека, в котором фантастическое, а порой совершенно немыслимое с точки зрения современного человека считалось столь же реальным, как и любое глубоко земное явление. Только учитывая и принимая названную наиболее общую черту и признак религиозно-мифологических представлений древнемексиканских народов, можно будет понять и воспринять то, что кажется невероятным и фантастическим.

Глава 1 Боги

Основные черты религиозно-мифологической системы

Некоторые исследователи считают, что ацтекская мифология (как, впрочем, то же и у майя) относится к категории мифологий примитивных народов, которые лишь достаточно ясно отражают желание их создателей добиться от сверхъестественных сил дождя, подходящей погоды, охоты и т. п. Как они полагают, все это хорошо известно из религии и мифологии Древнего Востока. Но это неглубокое понимание существа мифологий древних цивилизаций. Как и на Древнем Востоке, в ацтекской мифологии и религии отражалась не просто необходимость удовлетворения каких-то естественных потребностей, но и постулировались гораздо более глубокие идеи, прежде всего исследование вечного вопроса жизни и смерти, предназначения человека и т. д. Например, у тех же ацтеков аграрный религиозный церемониал сам по себе не мог бы развиваться в богатый символизм культ так называемого пернатого змея, олицетворяющего единство небесных и земных сил. Религиозно-мифологическая система, где один из важных образов – образ покорного своему предназначению страдающего бога, приносящего себя в жертву ради появления из своей плоти света, Солнца и тепла для людей, – не может быть примитивной. Содержащаяся в этой системе философия жертвенности, смерти, разрушения и в конце концов возрождения поднимает ее на гораздо более высокий уровень, чем уровень привычного аграрного культа.

Боги были основными действующими лицами мифов, что говорит о развитости мифологической системы древней Мексики. Она развивалась и формировалась по общим законам развития мифологии, содержит наиболее универсальные, общечеловеческие, фундаментальные мотивы, которые лежат в основе любых мифологических систем – так называемые архетипы (символика мирового дерева, представление о соотношенности горизонтальной и вертикальной структур мира и т. п.). Поэтому древнеацтекскую мифологию можно отнести к так называемой вторичной мифологии, в которой кроме всего прочего, пусть и не всегда, присутствует жреческая обработка мифологического материала, учитывающая потребности конкретной древней идеологии.

Как бы то ни было, первое утверждение, с которым можно встретиться, когда речь заходит о древнемексиканской религии, заключается в том, что она содержала исключительное множество богов. Последнее обстоятельство действительно имело место, и на него указывали еще первые хронисты, которые сообщали, что «не было числа идолам Мексики», поэтому «имелось много храмов». Утверждалось, что только у ацтеков почиталось около двух тысяч богов (1).

Действительно, древние мексиканцы обожествляли те или иные явления как живой, так и неживой природы по различным причинам. Как сообщает источник, индейцы почитали «Солнце, огонь, воду и землю из-за того полезного, что приносили», гром и молнию – из-за страха перед этими явлениями, поклонялись одним животным за их кротость, другим – за силу, саранчу почитали, чтобы она не уничтожала посевы, блох и moskitov, чтобы не кусали, лягушек, чтобы давали рыбу (2) (лягушка считалась покровительницей рыб). Объектом поклонения были необычные по размерам, высоте деревья, примечательные источники и т. п. (3).

Отсюда понятно утверждение одного из раннеколониальных авторов о том, что индейцы – поклонники «различных богов, различных вещей вплоть до бога порока...» (4).

Из этого, в свою очередь, естественно следует, что иконография их была различной – наряду с антропоморфными идолами имели место и зооморфные: «Древние мексиканцы имели много богов различного облика – человека, собак, ягуаров, змей, лягушек, жаб» (5). Нередко встречались полиморфные божества, в том числе и совершенно фантастические по облику и виду фигуры, скажем в виде симбиоза человека, змеи, ягуара и т. п.

Обычным было и поклонение атрибутам богов, например посоху как символу божества купцов.

Признавая сам факт наличия множества богов, следует отметить, подчеркнуть, что разбор, анализ их затруднен рядом причин. Одним из них является то, что нередко одно и то же божество имело целый ряд имен. Далее, одно и то же обращение или пышный эпитет, эвфемизм может быть отнесен к различным богам. Например, обращение «Ипалнемоуани» – «Тот, благодаря которому все живут» в ацтекских хрониках и текстах применяется и к мужской половине верховной божественной пары, называемой Тонакатекутли, и к Солнцу, и к богине кукурузы по имени Чикомекоатль (6) (о них см. ниже).

Анализ древнеацтекской религии затруднен и тем обстоятельством, что иногда имя одного и того же бога неверно передавали европейские и индейские авторы эпохи Конквисты и раннеколониального периода.

Искажения имен могли возникнуть также просто из-за недостаточной осведомленности информаторов-индейцев в тонкостях религиозных вопросов.

Иногда от некоторых богов сохранились только имена без описания каких-либо функций.

Именно прежде всего в силу описанных выше причин не всегда возможен, в частности, перевод и расшифровка божественных имен.

В связи с закономерным процессом развития религии происходило неоднократное переосмысление мифов и религиозных представлений, что не могло не коснуться богов, их места, роли, а также имен.

Сама система еще не сформировалась полностью, отсюда чрезвычайно трудно привести в систему то, что еще не систематизировалось по существу.

Наконец, иногда сложно разделить богов (например, бога и культурного героя Кетсалькоатля и бога ветра Экагтя), но порой богов и людей (того же Кетсалькоатля от Топильтецина; Топильтецин рассматривается реальной, хотя и легендарной личностью, жившей в заключительный период существования тольтекского государства, последним правителем которого он иногда считается) (7).

Миф – это мир эмпирического, чувственного опыта, а чувственный опыт невозможен без чувственно-наглядных образов, отсюда неудивительно, что в дошедших до нас сообщениях мифологические образы древних мексиканцев поражают одновременно и своей фантастичностью, и реализмом. Поэтому выделяя наиболее принципиальные черты, характерные для древнемексиканской религиозно-мифологической системы, необходимо прежде всего отметить, что она несла в себе значительную долю зоолатрии, смыкавшейся с тотемизмом.

Зоолатрия, или анимализм – это комплекс верований и религиозных действий, связанных с почитанием животных. В некоторых случаях он может сочетаться с тотемизмом, в основе которого вера в сверхъестественное родство между определенным человеческим коллективом (прежде всего родом) и различными видами материальных предметов, большей частью животными или растениями. Источник подобных верований коренится в представлении раннего сознания о единстве человека и природы. Естественно, что народы особенно почитали прежде всего тех представителей живой природы, с которыми была больше связана их жизнь или с которыми они чаще сталкивались. Так, для ацтеков, живших в засушливых районах Центральной Мексики, более характерно почитание животных, живущих на суше (например, кролика, ягуара, индейки и др.), хотя они так же обожествляли и лягушку, змея и др.

Как и в религиозно-мифологических системах других народов, в мифопоэтическом сознании мексиканцев определенные животные, птицы (иногда и фантастические существа!) выступали в качестве знака, кода, замещающего то или иное божество. С учетом в том числе такого кода раннее сознание конструировало в своем воображении окружающий мир, определяло свое место в нем.

Так, определенные следы зоолатрии очевидны в изображении дней календаря.

Тотемизм и зоолатрия достаточно наглядно проявлялись и в иконографии богов, в частности в тех изображениях, которые сохранились в рисунках кодексов.

Прослеживаются они и в ацтекских теонимах (именах богов): Кетсалькоатль («Пернатая змея»), Уитсилопочтли («Колибри левой стороны») и др.

Топонимика Мексики (географические названия), имеющая отношение к разным древним народам, также указывает на эту тенденцию. Например, у тарасков (живущих в Западной Мексике) встречаем не только заимствованные ацтекские топонимы (Койуакан – «местность орлов»), но и собственные – Иуатцио («местность койота»), Акуитцио («местность змей») и др. Аналогичные примеры почитания представителей живой природы отмечены и у миштеков, которые, заимствовав ацтекские топонимы, представили собственные эквиваленты: Аскапотсалько – мишт; Ньудсокойоко – «местность муравейника»; Коатепек – Ньуйкукоо – «гора змей» и др.

Яркие примеры тотемизма и зоолатрии поставляли и сапотеки. Так, некоторые из обнаруженных при раскопках сапотекских погребальных урн представляют животных. Один из первых хронистов, Ф. де Бургоа, говоря об идолопоклонничестве сапотеков, в частности, отмечал почитание ими попугая (ара). К птице был приставлен специальный жрец, который заботился о ней и совершал жертвоприношения (8).

В керамике, мелкой пластике ольмеков ярко представлены кошачьи мотивы (9).

В связи с зоолатрией любопытно и сохранившееся сообщение Д. Дурана о том, что жители Куитлауаки, располагавшегося на одном из островов озера Тескоко, долго отказывались признавать в ацтеках своих властителей. Однажды во время одного из решающих сражений куитлауаки оказались в безнадежном положении в окружении ацтекских воинов и стали просить помощи у лягушек, рыб, креветок, пиявок и других созданий, обитающих в воде. Как сообщает сюжет, бог – покровитель этих существ ответил им, что нужно поклониться ацтекам, поскольку они сильнее. После этого куитлауаки якобы смирились и стали данниками ацтеков (10).

Ярким примером зоолатрии можно считать широко известное поклонение орлу и ягуару, чьи истоки восходят еще к древним ольмекам. Здесь лишь отметим, что в мифологическом сознании мексиканцев существовало их противопоставление. С одной стороны, это были змея, ягуар, оцелот (ассоциированные с землей) и с другой – кетсаль, орел и другие птицы (связанные с небом). Змей, кроме того, ассоциировался с понятием времени (свернувшись в клубок, он напоминал кольцо, не имеющее ни начала, ни конца, время, движущееся по кругу). Орел был символом восходящего и заходящего Солнца, а оцелот олицетворял Солнце ночное, которое движется по подземному миру, освещая его.

Важное место в ацтекской религиозно-мифологической системе и ритуале отводилось и собаке. Она была компаньоном души умершего на ее пути в подземный мир мертвых.

Бабочка, рожденная из куколки, весь процесс, связанный с ее смертью и появлением новой жизни, также наталкивали на мысль о таинственных силах, с ней связанных. Так называемая обсидиановая (черная) бабочка символизировала подземный мир, а солнечная, светлая была отражением идеи возрождения, счастья и радости. Очевидно, не последнюю роль в формировании такого представления сыграло и удивительное явление, которое в Мексике наблюдают ежегодно в конце ноября – начале декабря, когда сюда перелетают из Канады бесчисленные бабочки-монархи (ныне они охраняются согласно специальному государственному указу).

Собственно истоки тотемизма, если говорить только о том, что связано с нашей темой, имели глубокие социальные корни. Тотемизм – это форма осознания связи определенного человеческого коллектива, его единства, его противоположности другим коллективам. В мифологии это находит отражение в мифах о борьбе между тотемами. У ацтеков это, например, связано с сюжетами о противостоянии, противоборстве двух богов, олицетворяющих противоположности – Кетсалькоатля и Тескатлипоки (светлое и темное начала соответственно).

Проявлением тотемизма был отчасти и так называемый нагуализм – вера чаще всего в определенного животного – двойника человека. Судьбы и жизни человека и нагуала были взаимосвязаны, и смерть одного из них влекла за собой якобы и гибель другого. Например, если какой-то охотник убивал нагуала-животное, то человек, с которым он связан судьбой, также умирал. Нагуалы, как полагали древние ацтеки, были не только у людей, но и у богов. Так, нагуал бога Кетсалькоатля выполнял при нем роль посланника, гонца (11).

О глубоких следах тотемизма и зоолатрии в древнемексиканской религиозно-мифологической системе говорит и тот факт, что после Конкисты аборигены представляли себе христианских святых в виде животных: Иеронима – ягуаром, Доминика – собакой, Власа – свиньей, Марка – быком, Антония – ослом и др. (12). Впрочем, и в Старом Свете в раннехристианский период некоторых из этих персонажей верующие также воспринимали через образы животных.

Характерная черта древнемексиканской религии и мифологии – культ мертвых, который выражался, как увидим, прежде всего в особом погребальном ритуале, а также в выполнении некоторых других обрядов. С их помощью живые хотели либо заручиться поддержкой умерших, либо избежать их гнева.

Близок к предыдущему и культ предков, который, видоизменяясь, накладывал свой отпечаток на формирование древнемексиканского пантеона в целом. Это значит, что, даже не разделяя эвгемеризм в целом (представление о том, что в основе образов богов лежат образы реальных исторических личностей, обожествленных за какие-то важные заслуги), нельзя в то же время пройти мимо того факта, что наиболее почитаемые древнемексиканские боги иногда изображаются как реальные персонажи, связанные с определенными страницами истории тех или иных народов региона. Здесь имеются в виду, например, такие боги, как Кетсалькоатль, Мишкоатль, Опочтли, Тоси и другие. Кстати, это было замечено и подчеркнуто еще первыми историками Мексики. Так, Х. Мендиета, говоря о главных древнеацтекских богах, высказал мысль, что они были, скорее всего, древними вождями и вообще «значительными личностями», за свои выдающиеся заслуги причисленные к богам и почитаемые как боги (13).

С предыдущим связана и идея реинкарнации (перевоплощения, люди верили, что души умерших богов могут воплощаться в живых людях). Так, человек, приносимый в жертву, считался воплощением и олицетворением того или иного божества или духа. Далее, в древнеацтекских храмах определенных божеств один из жрецов рассматривался как воплощение соответствующего бога (например, это можно сказать относительно жрецов храма богини воды) (14). Тотемические предки воспринимались как вечно воплощающиеся в своих живых потомках, то есть членах тотемической группы. У многих народов, и древние мексиканцы здесь не исключение, известны мифологические сюжеты о связи женщин (чаще это прародительницы) с каким-нибудь животным, от которого она затем имеет потомство (см. мотив в мировом фольклоре о похищении женщин). Подобные сюжеты исторически связаны с древней верой в тотемическую реинкарнацию. Например, у ольмеков, создателей древнейшей цивилизации Мексики, это сюжет о союзе женщины и ягуара: отсюда знаменитые кошачьи черты, признаки, которыми наделялись образы, представляющие их скульптуру, мелкую пластику.

Сюда же, видимо, следует отнести и практику обожествления правителей. Так, древнеацтекский правитель считался воплощением племенного бога ацтеков Уитсилопочтли (но и не только его), поэтому относительно него соблюдался ряд правил, предписаний и запретов. Правитель без особой необходимости не появлялся на людях, если такое появление имело место,

то оно приобретало характер исключительного события. Когда правитель покидал пределы своего дворца, то его обязательно сопровождали свита и охрана из представителей знати. Его обычно несли в закрытых носилках. Если приходилось идти пешком, то путь его устилали богато украшенными циновками. О приближении правителя Теночтитлана оповещали звуки духовых раковин, выполнявших роль труб. Люди, которые находились в тот момент на его пути, должны были выказывать ему глубокое почтение и покорность – сгибаться в поклоне, падать на колени. Поскольку ацтеки верили, что в правителя вселяется божество, то они не могли также поднять на него глаз, поскольку это было запрещено. Считалось, что если смотреть в лицо правителю, то это может принести несчастье. Более того, человек может умереть, если встретится с ним взглядом. По представлениям ацтеков, отражавшим характерное им образное мышление и восприятие мира, от личности правителя исходила опасность, сравнимая с опасностью от соседства с ядовитым «скорпионом», рядом с ним простой смертный чувствовал себя так, как если бы оказался в «крапиве». На память в связи с этим приходят аналогичные опасения, какие существовали у древних египтян в отношении фараона, имя которого нельзя было произносить из-за страха нанести порчу на него и на самого себя. Между прочим, знаменитый английский этнограф и религиовед Дж. Фрэнгер в одной из своих знаменитых работ, «Золотой ветви», обобщил весьма интересные наблюдения в связи с этим. Поскольку древние цари олицетворяли главного бога, то когда-то, чтобы не допустить дряхления правителя (а значит, ослабления магических сил, с ним связанных), ему не давали умереть собственной смертью, его убивали (доказать свою силу он мог и в поединке). Как знать, может быть, стремление изолировать (в данном случае ацтекского правителя) было в том числе и желанием на определенном этапе правления скрыть следы его старости, затем это стало частью практики обхождения с правителем, независимо от его возраста.

С именем правителя связывалось множество эвфемизмов (специфических обращений). В одной из фундаментальных работ по древнеацтекской истории и культуре, источнике по их истории и мифологии, принадлежащей монаху-францисканцу XVI в. Б. Саагуну, содержится изложение поучения правителя своему сыну о том, каким он должен быть в глазах своих подданных – «драгоценным камнем», «сердцем гор» (то есть символизировать твердость), «сердцем народа» и т. п. (15).

В период, предшествующий Конквисте, правитель ацтеков представлял собой лицо почти божественное, окруженное религиозным почитанием. Известно, что на Древнем Востоке присоединение к титулатуре царя имени божества, различных специфических определений означает придание официального культа его при жизни.

Что касается древнеацтекского правителя, то с его персоной ассоциировались важные религиозно-идеологические принципы общественного сознания. Подчеркивая его связь с самыми могущественными силами, говорили, что Солнце и Земля – «его мать и отец».

В идеологии этого общества существовало стремление увязать управление государством с общим мировым, космическим порядком, поэтому правитель, в соответствии с ней, находился в центре земной системы управления, являвшейся частью всеобщего божественного порядка. Правитель обязан был обеспечивать жизнь земную (отсюда его озобоченность делами аграрного культа, а также вера в то, что он способен, например, вызвать дождь), следить за движением Солнца (поэтому он должен был заниматься астрономией и астрологией).

Появление на свет, жизнь, правление и смерть правителя, весь этот цикл сравнивался с движением Солнца. Он считался символом неразрывного единства ныне живущих людей и их предков, а его связь ассоциировалась с деревом, под тенью которого они могли укрыться.

Правитель жил во дворце, примыкавшем к главному храму, где он появлялся во время религиозного церемониала. При Мотекусоме II Младшем, когда дело шло к открытому обожествлению правителя, его дворец назывался «Дом бога».

Когда правитель умирал, его останки украшали атрибутами главных древнеацтекских богов, а погребальный ритуал был таков, чтобы всячески подчеркнуть богоподобность покойного, при этом в жертву ему приносили даже людей. Кровь одних несчастных была жертвой богам, в то время как другие принимали смерть, чтобы служить правителю в потустороннем мире, как это они делали при жизни (16).

Важнейшим элементом древнемексиканской религиозно-мифологической системы представлений и культовой практики была самая разнообразная магия. Магия – это вера в возможность человека влиять на окружающую действительность с помощью сверхъестественных сил с целью получения желаемого результата. Иными словами, человек выступает активной стороной, пытается, например, воздействовать на природу, манипулировать ею. Однако по мере развития религиозного сознания прежнее ощущение, по крайней мере равноправия с природой, исчезает, как исчезает и надежда самостоятельного воздействия на нее. Как следствие, человек несколько меняет тактику – он приходит к мысли о необходимости просить (о чем-то) у сверхъестественных сил, которые олицетворяются в духах, богах. Поэтому идея магического воздействия на божество с целью получения желаемого результата практически неотделима от всех многочисленных обрядов, которые наполняли бесконечную череду древнеацтекских религиозных праздников. Позиция древних мексиканцев по части богов была традиционной, классически двойственной: с одной стороны, они поклонялись им, надеясь на доброжелательное к себе отношение, с другой – боялись и стремились избавиться от возможного опасного влияния. Так, когда ацтекский правитель заболел, жрецы надевали маски на статуи главных богов и не снимали до тех пор, пока он либо выздоравливал, либо умирал (17).

Широко была распространена и магия чисел. Словом, фактически все виды магических представлений и действий, выделяемых современным религиоведением, были известны древним мексиканцам. Однако надо подчеркнуть, что в некоторых моментах пропициация, или умилостивительный культ уже господствовал над чисто магическими обрядами.

От магии неотделим и фетишизм. Вера в сверхъестественные свойства предметов – основа всех магических действий, в противном случае они были бы лишены всякого смысла. В этом отношении особенно характерно отношение к статуям богов. Идолы богов, особенно главных, находящихся в центральных храмах, тщательно оберегались, и никто не мог к ним прикасаться, не говоря уже о том, чтобы осмелиться как-то их осквернить. Показателен в этом отношении эпизод, переданный одним из раннеколониальных историков. Согласно ему, после покорения испанцами ацтекской столицы Э. Кортес приказал сбросить фигуру ацтекского племенного бога Уитсилопочтли, однако не нашлось ни одного индейца, который пошел бы на это, несмотря на угрозы. Когда же один из испанцев в конце концов сбросил идола, индейцев охватил ужас, ибо человек коснулся статуи Уитсилопочтли, осквернил божество и навлек тем самым на себя огромную беду (18).

Важнейшим элементом древнемексиканской религиозно-мифологической системы является и анимизм. В сущности, все выделенные выше формы религиозных представлений выросли на основе анимистических верований, которые были достаточно разнообразными – от представлений о душе человека до сложных образов богов, олицетворявших природные и социальные силы и явления.

Анимизм и другие элементы древнемексиканской религии и привели к широкому распространению веры в приметы, представления, чудеса (19). Это неслучайно, ибо, по представлениям древних мексиканцев, жизнь людей – исключительно результат влияния божественных сил, события на земле лишь микрокопия божественных событий и дел. Например, когда происходили войны на небесах, то есть между богами, то это приводило якобы к войнам и столкновениям между людьми (20). Отсюда все события, которые случались на земле, только по видимости итог человеческой деятельности, а на деле – результат эманации, исходящей от того или иного божества.

Описанное – это наиболее ранний, архаический слой, характерный для любой древней религии, кстати, очень существенный в древнемексиканской религиозно-мифологической системе. Другой слой – это уже персонификация тех или иных явлений мира, общества или даже человека в виде определенных божеств. Поэтому можно согласиться с утверждением, что в обществе религиозно-мифологические представления существовали как бы на двух уровнях. Первый – это суеверная пантеистическая религия простонародья. Второй уровень составляла религиозно-мифологическая доктрина (и связанная с ней практика), отражающая жреческую традицию и многими своими чертами соответствующая тому, что находило отражение в Старом Свете, например в древнеегипетских и древнегреческих мистериях (21).

Главная линия образования пантеона древнемексиканских богов – это процесс их естественного формирования. Однако в древней Мексике на него оказывали влияние и местные обстоятельства. Достоверно известно, что число богов древнемексиканских народов пополнялось, кроме того, и путем простого заимствования, и путем насильственного овладения богами покоренных территорий (в соответствии с законами магии считалось, что захваченный в качестве трофея идол, божество будет оказывать покровительство новым его владельцам). Например, после захвата ацтеками долины Толука (или Матлатцинка, располагавшейся южнее Теночтитлана-Мехико), местное святилище живших здесь народов (отоми, окультек и др.) было разгромлено, а главные реликвии и статуи божеств вместе со жрецами были отправлены в Теночтитлан (22). Отсюда становится понятно, почему по приказу последнего из доколумбовых правителей ацтеков Мотекусома II Младшего в пределах храма главного племенного бога Уитсилопочтли было построено специальное святилище, так называемое Коатеокалли (Храм различных богов). В нем находились статуи и символы, реликвии богов из различных, подвластных ацтекам провинций и районов древней Мексики. Как сообщает историк, их было большое число и все разнообразной формы (23).

Впрочем, ацтеков иногда преследовали и неудачи. Так, изображение Камаштли, племенного бога, бога войны независимого города-государства Уэшотцинко, ацтеки не имели, хотя страстно этого хотели. За четыре-пять лет до появления испанцев правитель ацтеков Мотекусома II Младший в очередной раз пытался завладеть им и, как сообщает источник, приобщив к остальным, тем самым «обезоружить врага». Однако это им не удалось, и посланные правителем воины с позором бежали от разъяренных жителей Уэшотцинко (24).

Не исключено, что ацтеки как господствующий в государстве этнос прибегали уже и к прозелетизму. Во всяком случае, сохранилось высказывание одного из хронистов о том, что ацтеки ставили перед собой цель приобщить другие народы к своим богам. Они также всячески стремились подчеркнуть особенность и преимущества своих богов, их могущество и силу в сравнении с божествами покоренных народов (25). Отсюда становится понятно, почему после покорения того или иного народа или племени ацтеки нередко заставляли их жрецов прийти и выказать почтение (предложив при этом жертвоприношения) главным богам Теночтитлана. Вместе с тем это не означало устранение местных культов и верований.

Если представить картину взаимосвязи богов в древнемексиканской мифологии и религии, то получится как бы несколько кругов, слоев, структур.

Один из таких кругов составляли племенные и региональные боги, которым приписывается при этом все наиболее важное – от мироустройства до сотворения человека. Известно, что при переходе от доклассового к раннеклассовому обществу оформляется образ главного бога, прежде всего в облике племенного бога. Если это воинственное племя, то этот бог будет воином-воителем. Последнее как раз и имеется в ситуации с ацтеками. Они боролись за преобладание над соседними народами и племенами, и поэтому их племенной бог Уитсилопочтли играл необычайно важную роль.

Другой круг представлений выводит на уровень политеистических верований. Действительно, по мере усовершенствования общественно-экономической структуры общества про-

исходило усложнение общественного сознания, а вместе с тем и одной из его форм, религии. Место племенных и региональных богов, которым приписывались все функции, нередко начинают занимать специальные боги, с которыми связывается то или иное явление природы, общественной структуры и даже человеческой сущности.

Поскольку наблюдается специализация богов, то совершенно естественно отметить и такой процесс, как образование пантеона. Он имел две особенности. С одной стороны, поскольку пантеон формировался на основе образов племенных и региональных богов различных народов, племен и этнических групп, то нередко складывалась такая ситуация, что некоторые боги (различных групп), например плодородия, сливались в единый синкретический образ божества плодородия. Синкретизм – характерная черта религиозно-мифологической системы ацтеков и, думается, древних мексиканцев в целом. С другой стороны, поскольку процесс этот не был завершен, то иногда то или иное божество совмещало ряд функций, что характерно для первого отмеченного нами круга представлений. Это объясняет, почему в дальнейшем придется встречаться с одним и тем же богом в разных по «специализации» группах божеств. Например, одно из древнеацтекских божеств (женская половина верховного дуального божества) Тонакасиуатль в одном из источников называется также и другими именами, именами специальных хтонических божеств (связанных с почитанием сил земли) – Шочикетсаль и Чикомекоатль (26). На этом примере видно, как со временем у древней богини Тонакасиуатль постепенно узурпируются определенные функции, появляются новые божества, в связи с образами которых, в свою очередь, формируется свой круг религиозно-мифологических представлений и культовой практики.

Анализируя древнеацтекский пантеон по чисто формальным признакам, нужно отметить существование двух божественных фратрий на основе такого признака, как пол. Иными словами, боги имели сходные функции, однако принадлежали к различному полу, к мужской и женской фратрии. Например, у ацтеков известны бог маиса Сентеотль и богиня маиса Шилонен, бог веселья и любви Шочипилли и богиня Шочикетсаль с практически сходными функциями.

Любой пантеон, надо думать, предполагает наличие его главного бога, первого среди равных. В древнемексиканской политеистической системе прослеживается явление, определенное как генотеизм. Согласно ему, из множества божеств на первое место выдвигается тот, к кому в данный момент обращались. И действительно, знакомство с религиозным ритуалом, содержанием молитв и религиозных гимнов показывает, что иногда, например, к древнеацтекскому богу дождя Тлалоку обращались с такими эвфемизмами, пышными, специфическими эпитетами, что не оставалось сомнений в том, что именно он – могущественнейший из божеств. В других случаях это могли быть и другие боги.

Наконец, намечались и некоторые черты монотеистических верований, составлявших как бы третий круг или уровень представлений. Они проявлялись в стремлении выделить какое-то божество и приписать ему целый ряд наиболее важных функций, причем в отличие от представлений о тотемном предке или племенном боге связывать с ним и его деятельностью более широкую систему идей, нежели та, что вырастала из интересов узкой племенной структуры. Это божество покровительствует уже всему государству, освящает существующую власть, в данном случае власть ацтекского правителя. Условия для подобных религиозно-идеологических процессов в обществе и общественном сознании были. С точки зрения социальных корней, они заключались в формировании зачатков деспотической власти в Теночтитлане. Исторические корни данного процесса – во включенности в этот процесс образов племенных богов, в активизации процессов объединения божеств в образ единого бога. Эти два момента, дополняя друг друга, и привели к появлению представления о неких верховных божественных парах или единых верховных богах. При этом единый бог мог быть в нескольких ипостасях.

Что касается остальных богов, то с ними устанавливаются генеалогические, иерархические отношения и связи.

Три этих уровня или круга представлений прослеживаются, но разделить их можно только формально, в теории, так как в действительности они тесно, прочно взаимосвязаны, и далее мы будем наблюдать, как одно и то же жизненно важное явление, событие приписывается в одном сюжете – одному богу, в другом – другому.

Структура пантеона: боги и божества в системе религиозно-мифологических представлений

В религии и мифологии древней Мексики периода, непосредственно предшествовавшего Конкисте, было известно представление о парах великих, верховных богов, которые по-разному назывались у разных народов. Эти пары представлялись по большей части в виде мужского и женского божества. Так, верховной божественной парой у сапотеков были так называемые Косаана и Уичиана (соответственно «порождающий», «порождающая») (27). У миштеков, которые разделяли многие религиозные воззрения сапотеков, аналогичные по существу персонажи именовались «Господин-олень» и «Госпожа-олень» (или «Пума-змей» и «Пума-ягуар») (28). Сапотеки думали, что они были «великими магами и колдунами», потому что могли принимать любой облик, в том числе и человеческий (29).

У ацтеков сходные идеи связывались с Тонакатекутли («Господин нашей плоти») и Тонакасиуатль («Госпожа нашей плоти»), а также звездной парой Ситлаликуэ («Та, у которой юбка из звезд») и Ситлалитонак («Сверкающая звезда») (30).

Если заниматься анализом данных божеств лишь на основе только что приведенной информации, то станет совершенно очевидно, что в образах этих богов отражена прежде всего необходимость, по древним представлениям, единства мужского и женского начал для всяких и особенно принципиальных творений. Более того, порой сами верховные пары воплощали наиболее грандиозные явления и стороны мира. Например, у сапотеков мужская ипостась божественной пары, Косаана, соотносилась с Солнцем и небом, а женская, Уичаана, с землей и водой. Ацтекские Ситлалитонак и Ситлаликуэ были также связаны с небом и звездами (31).

Однако этим не ограничиваются древнемексиканские представления о божественных парах. Дело в том, что в связи с последними можно проследить тенденцию к превращению их в некие единые верховные божественные существа, которым, однако, предшествуют представления своего рода промежуточного характера.

Именно такое промежуточного типа представление (между идеей верховной божественной пары и единого, верховного бога) демонстрирует древнеацтекская религиозно-мифологическая система. Так, следует обратить внимание на специфические имена, применяемые к этой паре, такие как Ометекутли («Господин двойственности») и Омесиуатль («Госпожа двойственности»). Они как раз и позволяют предположить тенденцию к объединению этих божеств в один образ верховного бога. И уже накануне испанского завоевания в религиозно-мифологической системе древней Мексики формируется представление собственно о едином верховном божественном существе, то есть в этот период ацтекская божественная пара все определеннее объединяется в один образ. Одно из доказательств этого заключается в том, что ее начинают почитать как некое единое божество и обращаться с соответствующими эвфемизмами, которые, собственно, и могут рассматриваться как имена, – Тлокенауаке («Владыка центра», то есть основа всего, находящийся в центре), Ипалнемоуани («Тот, благодаря которому живем»). Между прочим, в раннеколониальный период в отношении этого дуального божества имелись попытки миссионеров истолковать его в христианском духе. Так, П. де Лос Риос, комментатор «Ватиканского кодекса 3738А (Риос)», утверждал, что Ометекутли – это иное, индейское, название Троицы (32).

Аналогичная трансформация произошла и с сапотекской божественной парой, а именно Косаана и Уичиана, которые в отдельных случаях воспринимались как образ единого верховного божества.

Отмечая наличие такой тенденции, вместе с тем надо иметь в виду, что сведения о едином верховном божестве были записаны после прихода испанцев, и, следовательно, здесь вполне возможны, особенно в передаче авторов-европейцев, христианские наслоения. Тем не

менее считать их полностью результатом внешнего влияния нельзя, так как в общей системе представлений образы этих богов весьма отличаются от остальных, в большей степени наивных и даже архаичных, как увидим ниже.

Немаловажно и то обстоятельство, что, в то время как в мифах излагается (с различной степенью полноты) история происхождения, появления божеств, аналогичных сообщений о верховной божественной паре (или едином верховном боге) не зафиксировано: «их начало никогда не было известно» (33). Более того, в таком важнейшем источнике по древнеацтекской истории и мифологии, как «История мексиканцев по их рисункам», относительно верховной божественной пары Тонакатекутли и Тонакасиуатль прямо утверждается, что начало их неизвестно, что они всегда пребывали в месте своего существования, а именно на самом верхнем, тринадцатом небе. Они считались творцами мира, а также, что неудивительно, благожелательными божествами рождения и пищи (во всяком случае, именно так они представлены в «Кодексе Борджиа») (34).

Характеризуя индейские представления о сущности Тлокенауаке, некоем едином верховном божестве, один из информаторов сообщал, что ацтеки никогда не приносили ему жертвоприношений, поскольку он их не требовал. Более того, этому богу не строили храмов, и он не имел своего традиционного изображения, то есть идола, в то время как другие боги, которым они приносили жертвы, имели идолов то ли в виде «демонов» (чудовищ), то ли в облике людей (антропоморфные изображения). И это все при том, что этому богу был посвящен свой день в ритуальном календаре (имеется в виду день «7.цветок») (35).

Почему же в глубоко образном, наполненном живыми явлениями окружающего мира сознании названных индейских народов, и прежде всего и в первую очередь древних ацтеков, сформировалось представление о боге с весьма неконкретными атрибутами? Это было проявлением зачатков монотеизма, о которых упоминалось выше. Отсюда понятно, почему иногда именно верховной божественной паре или тому единому божеству, о котором только что говорилось, нередко приписывались наиболее важные творения в природе, с ними связывали иногда происхождение других богов. В результате закладывались условия для формирования иерархии богов.

Все вышесказанное тем не менее не устраняет сам по себе тот факт, что гораздо более реальные и зримые образы древнемексиканской мифологии и религии – это так называемые племенные боги или даже боги районов, этнических групп и народов, живших на территории древнеацтекского государства. Они-то и были фактически главными богами, во всяком случае, во многом определяющими всю систему религиозно-мифологических представлений, обрядов и ритуалов. Погружаясь в систему образов этих богов, оказываешься в достаточно необычном мире, где много непривычного, непонятного и даже во многом шокирующего в том, как представляется происхождение и генеалогия богов, их взаимоотношения, деятельность, действия и т. п.

В то время как о происхождении верховных божественных пар или некоего единого бога ничего не известно, историю появления племенных и региональных богов (по крайней мере некоторых из них) можно проследить. Это касается прежде всего древнеацтекских богов. Правда, очень важно подчеркнуть, что появление или происхождение главных племенных или региональных богов излагается часто в нескольких вариантах, поэтому у отдельных богов порой можно обнаружить как бы ряд биографических слоев, что создает довольно путаную картину божественных «биографий».

Как бы то ни было, согласно одному из вариантов происхождения главных древнеацтекских племенных и региональных богов в связи с необходимостью осуществления мироустроительной деятельности, мироустройства, верховной божественной парой Тонакатекутли и Тонакасиуатль были созданы четыре сына. Первый и самый старший из них назывался Красный

Тескатлипока, второй получил имя Черный Тескатлипока, третий Кетсалькоатля, а четвертый, самый младший, Уитсилопочтли (36).

Представленная последовательность появления богов соответствует их действительному формированию во времени. Так, культ самого младшего из них, Уитсилопочтли, действительно сформировался позднее трех других, чему вскоре будет дано свое объяснение.

Надо сказать, что из всей четверки наиболее тесно переплелись в религиозно-мифологической системе ацтеков биографии двух богов – Кетсалькоатля и Черного Тескатлипоки. Последний, рожденный или сотворенный божественной парой, назывался «черным» потому, что таким якобы родился (37). Чаще его называли просто Тескатлипока. Собственно же имя его складывается, согласно источникам, из соединения слов, которые в переводе означают «зеркало» и «дым», а вместе дают перевод имени как «Зеркало, которое дымит» (или «Курящееся зеркало»). Древние ацтеки верили, что у него всегда было при себе особое магическое зеркало, с помощью которого он мог не только видеть все происходящее вокруг, но и предвидеть и даже воспроизвести то, что произойдет в будущем (38). Кроме того, он имел при себе курильницу с благовониями, от которой исходил дым, также давший имя богу.

Есть предположение, что в Центральной Америке были известны зажигательные зеркала, изготовленные из раковин (в частности, это касается ольмеков, создателей древнейшей здесь культуры). Имел такое зеркало в качестве атрибута и бог, откуда и получил свое имя (39).

Другое объяснение теонима, имени бога, связано с представлением о том, что Тескатлипока будто бы появился впервые перед мексиканцами на вершине горы Тескальтепек («Гора зеркал») (40). Последнее, возможно, указывает на то, что Тескатлипока был, видимо, первоначально божеством, духом этой горы, от названия которой и произошло имя самого бога. И вообще, как кажется, это божество имеет какое-то отношение к вулкану и вулканической деятельности. К Тескатлипоке обращались и под другими различными именами, которые в переводе звучали как «Господин, которому мы служим» (41), «Тот, пленниками которого мы являемся» (42), «Даритель всего» (43). О нем говорили, что он знал «все мысли», «был во всяком месте», «знал сердца» (то есть мысли, намерения людей), поэтому называли «Всемогущий, который делает все вещи» (44).

Бог Тескатлипока имел ту особенность, что мог появляться перед людьми в облике ягуара, обезьяны, птицы. Причем когда он хотел с кем-нибудь «поговорить», то будил ночью, «производя шум крыльями» (45). Иногда в кодексах Тескатлипоку также изображали в виде персонажа с лапами петуха или орла (46) и даже змеями вместо ног (47).

Он мог явиться людям в виде страшного призрака, «демона». При описании Тескатлипоки в облике демонического существа индейцами привлекается самая буйная религиозная фантазия. Он мог якобы превращаться в некое существо «без бровей», «ресниц», «зрачков», «белков глаз» и даже «без коленных чашечек и суставов». В другом случае Тескатлипока якобы являлся ночью в виде человека без головы, но с «дверцей на месте груди», которая, открываясь и закрываясь, производила звуки, напоминающие треск сучьев при рубке леса, деревьев (отсюда этот звук даже имел специальное название – «ночной топор»).

Чаще такие звуки якобы слышали жрецы, занятые ночью выполнением ритуала, или те люди, которые находились в пути. Встреча же с самим этим демоном могла быть и благом, и бедой для человека, что зависело от того, достойный он человек или нет. Если призрак являлся храброму воину, то последний мог считать это добрым знаком. В таком случае демон якобы вручал воину три-четыре колючки агавы (число соответствовало количеству пленников, которых он вскоре возьмет в бою). После такой встречи с Тескатлипокой обнаружить в складках своей одежды перо или колючку агавы означало в дальнейшем благополучие и процветание. Если же человек находил у себя угли, грязные обрывки одежды, то это было предзнаменованием несчастья. Если «звуки топора» слышал трусливый человек, то он мог от ужаса и страха заболеть и даже умереть.

Тескатлипока мог явиться и в виде женщины-карлицы с длинными до пояса волосами. Появление этого призрака было крайне опасным, поскольку считалось, что с увидевшим ее случится что-то очень худое, он может даже умереть.

Тескатлипока смертельно пугал людей, превращаясь также в прыгающий под ногами череп, в покойника, демона с головой филина и даже в обычного койота (волка). Как утверждали информаторы-индейцы, если кто-то осмеливался схватить его, то в руках оставались только дерн или комья земли. Иногда он, оставаясь невидимым, напоминал о себе страшными, необычными звуками и голосами.

Религия и мифы определяют Тескатлипоку как своего рода древнеацтекский вариант Юпитера. Он считался также невидимым вездесущим богом, находящимся во всех местах – на небе, на земле, в подземном мире.

Ацтеки считали, что когда он появлялся на земле, то с ним вместе начинались войны, разногласия, раздоры, разнообразные несчастья обрушивались на человеческий род. Считалось, что он сам подстрекал к этому, поэтому назывался также «Сеятель всеобщего раздора». Вместе с тем о Тескатлипоке говорили, что только он способен управлять миром. Он давал богатство и способствовал процветанию, но, опять-таки если хотел, мог все разрушить (48).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.